

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 4

Москва
2003

Содержание

МОРАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

<i>А.А.Гусейнов</i>	
Понятие морали	3
<i>Л.В.Максимов</i>	
Этика и мораль: соотношение понятий	14
<i>А.В.Прокофьев</i>	
Справедливость или преодоление человеческой природы? (метанормативный контекст понятия справедливость»)	23

ЭТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

<i>А.Г.Гаджигурбанов</i>	
Идея самопревосхождения в доктрине Плотина	50
<i>А.К.Судаков</i>	
Этика совершенства в нравственной системе И.Канта.....	67

ИСТОРИЯ МОРАЛИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>М.А.Корзо</i>	
Проблемы нравственного реформирования общества в эпоху раннего Нового времени	89
<i>О.П.Зубец</i>	
Профессия в контексте истории ценностей	103
<i>О.В.Артемова</i>	
Генри Сиджвик о высшем благе.....	121
<i>С.Н.Земляной</i>	
Онтология и этика светскости (О жизни света и светской жизни в Европе и России).....	145
<i>П.А.Гаджигурбанова</i>	
Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса.....	161

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТИКИ

<i>В.Н.Назаров</i>	
Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960-1990)	179
Р.Г.Апресяну — 50!	198
Наши авторы.....	204

Этика и мораль: соотношение понятий

В чем различие между этикой и моралью?

Хорошо известно, что слова «этика» и «мораль» близки по смыслу, взаимозаменяемы и нередко взаимодополняемы (как, например, в канцелярско-идеологическом словосочетании «морально-этический»); во всяком случае, отсутствие четкого их различия не приводит к сколько-нибудь значительным недоразумениям в обычном общении. Другое дело — специализированный философский и научный контекст: надобность в ясном разграничении этики и морали обусловлена здесь не только общей установкой теоретического сознания на придание ключевым терминам по возможности более точного и индивидуального (не пересекающегося с другими терминами) значения, но еще и тем, что размытость смысловых границ между этими терминами скрывает за собой ряд нерешенных (а иногда и просто не выявленных) методологических проблем, накладывающих в конечном счете печать на всю конкретную проблематику соответствующей области исследований. Поэтому в данном случае уточнение терминов, т.е. некоторое упорядочение исследовательского инструментария, сопряжено также с формулированием и обоснованием определенного подхода к решению проблем более общего плана (знание — ценность, структура этики, специфика морали и др.).

Безусловно, сохраняющаяся и в обычном употреблении, и в теории широкая синонимия этики и морали не случайна, она имеет свои исторические причины: у этих терминов — единые или, вернее, тесно переплетенные греко-латинские корни: латинское слово *moralis* является калькой с греческого прилагательного «этический». Тем не менее за формальной идентичностью рассматриваемых терминов уже

с самого начала можно заметить некоторое — весьма существенное — различие в содержании и способе употребления рассматриваемых терминов. Это различие выразилось в том, что «этика» и «мораль» фактически использовались для отображения разных сторон той широкой и многоплановой области человеческого бытия, которая у греков и латинян именовалась соответственно «ethos» и «mos» («mores») и которая в русском языке ближе всего передается словами «нравы», «обычаи», «характеры» и т.п. Под «этикой» с момента ее появления (если брать за точку отсчета Аристотелевы «Этики») понималась особая специализированная, рационально-рефлексивная, мыслительная деятельность внутри (и по поводу) наличного «этоса», причем деятельность не просто познавательная (т.е. описывающая и объясняющая реальные нравы), но и критически-поучительная, — или ценностно-ориентированная, если использовать позднейшую терминологию; при этом использовались оценочные дихотомии типа «хорошее — дурное», «добродетельное — порочное», «справедливое — несправедливое» и пр. Собственно, и «мораль» изначально ассоциировалась с нормами, оценками, принципами, максимами, выражаемыми в указанных понятиях; однако если для «морали» эти специфические нормы, идеалы и пр., сформировавшиеся в структуре этоса и регулирующие в определенной мере человеческое поведение, составляли само ее тело, то «этика» сложилась именно как особая философская *дисциплина*, как практическая философия, она оперировала нормами и идеалами, выстраивала из них системы или кодексы, основанные на немногих общих принципах или источниках, и провозглашала эти системы в качестве различных, конкурирующих друг с другом жизненных программ.

Таким образом, первое (по времени и по существу) размежевание понятий этики и морали было связано с различием, с одной стороны, доктринально и (или) дисциплинарно оформленных жизнеучений (получивших имя этики), а с другой — совокупности особых регулятивных норм и принципов, составляющих содержание этических учений и (или) стихийно сложившихся и функционирующих в реальных социумах (т.е. всего того, что чаще всего и обозначается словом «мораль»).

Ретроспективно указанное соотношение этики и морали в их исторической динамике можно интерпретировать двумя прямо противоположными способами, в зависимости от принятой методологической установки: либо *этику* рассматривать как составной элемент совокупного морального сознания, его высший (рациональный) слой, т.е. как *самосознание морали*, как *моральную («практическую») философию*

фию, — либо мораль рассматривать как «предмет» или «объект» этических изысканий и построений (т.е. трактовать этику как «философию морали», «теорию морали» или «науку о морали»). Оба этих истолкования мирно сосуществуют в современной моральной философии; более того, большинство философов или вовсе не видят разницы между ними, или же считают различие этих интерпретаций мало-существенным и непринципиальным. Во всяком случае, мало у кого из тех, кто профессионально причастен к этой области философской мысли, возникает сомнение в правомерности и непротиворечивости совмещения двух представлений об этике: как о некоторой форме познания и одновременно о предмете этого познания. Ведь не видим же мы никакого противоречия в утверждении о том, например, что психология является наукой о духе и в то же время — именно в качестве «науки» — принадлежит тому же «духу», который она исследует.

Однако по отношению к этике возможность ее двойного статуса не столь безусловна, как в отношении психологии. Конечно, этика есть духовное образование в смысле ее принадлежности к сфере духа; но понятие «духовного» вообще охватывает как «знания», так и «ценности»; этика же — в традиционном, классическом ее бытии и функционировании (т.е. в качестве жизнеучения) — является частью именно ценностного (морального) сознания, поэтому ее нельзя считать «знанием» («наукой», «теорией») в обычном понимании «знания» — как идеальной модели сущего. Впрочем, такое различие знаний и ценностей не является общепринятым; скорее наоборот: в гуманитарно-философской мысли всегда доминировало представление о познавательной природе моральных ценностей; свое крайнее выражение эта точка зрения нашла в утверждении ряда мыслителей Нового времени (в частности, Локка и Лейбница) о том, что мораль является (или может стать) аксиоматически-дедуктивной наукой наподобие математики. Но если даже оставить в стороне сложную, многоплановую проблему соотношения знаний и ценностей, составлявшую предмет философских дискуссий на протяжении последних полутора веков, можно все же и на уровне здравого смысла заключить, что любое ценностное (в том числе и моральное) учение с его призывами, рекомендациями и императивами принципиально отличается от эмпирических или теоретических описаний и объяснений любых феноменов (включая и феномен морали). Поэтому этика, проповедующая и защищающая определенную жизненную позицию, благодаря именно этой ее роли должна быть отличена от той «дисциплины» (как бы она ни называлась), которая по отношению к морали выполняет не проповедническую, а описательно-объяснительную функцию.

Главная трудность, с которой сопряжены те или иные квалификации этики по признаку доминирования в ней либо морально-ценностного, либо познавательного компонента, состоит в том, что вся классическая этика, будучи так или иначе ценностно-ориентированной, вместе с тем никогда не сводилась к одним только ценностным декларациям и их защите, а непременно содержала в себе еще и когнитивную составляющую, т.е. определенное знание или представление о мире, Боге и человеке. Так не является ли наличие этой составляющей показателем того, что этика фактически обладает указанным выше двойным статусом, т.е. способна гармонично совмещать в себе некоторую моральную (ценностную) позицию с теоретическим объяснением феномена морали?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо выяснить, какое место в этике занимает знание о мире и конкретных его реалиях (включая мораль как один из феноменов человеческого бытия). Как правило, в моральной философии познавательные процедуры и получаемые в их результате знания (представления, мнения и пр.) подчинены главной задаче — утверждению определенной ценностной позиции; иными словами, они прямо или опосредствованно *используются* для формулирования, уточнения, упорядочения и подкрепления определенных целей, норм, идеалов, оценок, императивов и т.д. Мы не будем затрагивать здесь вопрос о конкретных способах и механизмах указанного использования знаний, о совершаемых при этом логических ошибках (на которые впервые обратил внимание Д.Юм); это — особая тема, имеющая богатую библиографию (главным образом — в аналитической философии XX века). В данном случае речь идет о том, что факт присутствия в этике познавательного компонента сам по себе еще не является достаточным основанием для отнесения ее к сфере познания (философского или научного), поскольку знание о мире и человеке в составе этики нередко выполняет лишь подсобную роль, т.е. служит посылкой для ценностных выводов. Другое дело, если полученное знание не вплетено в структуру ценностных рассуждений и не содержит ни в явном, ни в скрытом виде оценок или императивов. Элементы такого рода знания, выстраивающего объективный образ реальности (или, во всяком случае, претендующего на объективную истинность), могут быть без труда обнаружены практически в любом более или менее крупном этическом учении; это, например, описание обычаев и нравов разных народов, попытки объяснить происхождение морали, ее общественные функции и т.д.

Тенденция к «онаучиванию» этики, характерная в особенности для философии Нового времени и для ряда отдельных философских школ XIX — XX вв., реализовалась в двух альтернативных формах, в

соответствии с тем, какой из указанных видов этического знания приобретал научный статус. С одной стороны, выработанные в науке (главным образом в естествознании и математике) исследовательские схемы накладывались на те знания о мире и человеке, которые вплетены в моралистические рассуждения и подчинены им; в результате такого подхода этика, взятая в ее традиционной жизнеучительной функции, представляла как система четко сформулированных и строго доказанных (или представлявшихся самим авторам доказанными) ценностных положений моралистического плана. Иными словами, самая мораль, моральные ценности, моральные учения приобретали вид научных теорий. Наиболее ярким примером такого построения явилась «Этика» Б.Спинозы. С другой стороны, в русле социальной философии закладывались основы действительной науки об обществе — о государстве, праве, морали, религии и т.д., — науки, опирающейся на определенный эмпирический базис и не продуцирующей никаких нормативно-ценностных программ. Правда, в философии Нового времени такой подход не был представлен в чистом виде; в наибольшей степени он реализован (если иметь в виду классические образцы) в «Левиафане» Т.Гоббса и «Трактате о человеческой природе» Д.Юма. В этих трудах научное знание о социальных и психологических механизмах морали не было специально выделено под грифом «этики», однако во многих позднейших работах (вплоть до нашего времени), относимых к этической рубрике, такого рода знание занимает видное место, а иногда и полностью исчерпывает содержание того или иного научного труда.

Надо сказать, что принципиальное различие между указанными двумя типами *научной этики* до сих пор остается почти незамеченным и неотмеченным в специальной методологической литературе; даже в современной метаэтике, уделившей в целом много внимания анализу языка и логики этических рассуждений, рассматриваемые здесь аспекты лишь упоминаются, получая при этом не вполне адекватную, на мой взгляд, трактовку. Я имею в виду широко принятую в современной аналитической философии деление этики на «нормативную» и «теоретическую» (или «дескриптивную»). Первое из этих наименований аналитики обычно относят ко всей традиционной этике, поскольку она имеет ценностно-прескриптивную (моралистическую) направленность; при этом возможность нормативной этики быть наукой (или вообще обладать какими-либо признаками научности) обычно отрицается. Что же касается теоретической этики, то за нею, естественно, признается научный статус, однако предмет ее ограничивается лишь анализом языка, а весь огромный массив исследова-

ний морали как многообразного социального феномена фактически выносятся вообще за пределы этики и рассматривается как составная часть других наук об обществе и человеке — социологии, антропологии и пр.¹ Кроме того, в современной философской литературе разных направлений понятия «теоретическая этика» и «нормативная этика» употребляются нередко в качестве названий разных «разделов» или «аспектов» этики как единой науки или области знания.

Само по себе использование терминов «нормативная этика» и «теоретическая этика» для внутренней дифференциации и упорядочения того разнородного материала, который существует и преимущественно жается под общим именем этики, вряд ли может вызвать серьезные возражения. Однако для выполнения этих функций указанные термины (особенно второй) нуждаются в некотором уточнении. Можно согласиться с аналитиками в том, что этика в ее исходном понимании, т.е. в качестве рационализации самого морального сознания, является этикой *нормативной* в том смысле, что она органично включает в себя те или иные предписания, советы, указания и пр. Верно также и то, что очевидное наличие в нормативной этике разнообразных рассуждений и доказательств еще не делает ее «наукой» (и вообще «формой познания»), поскольку этот рациональный компонент пребывает и действует внутри ценностного (морального) сознания и всецело подчинен соответствующим нормативным целям. Однако не будучи *наукой*, нормативная этика, на мой взгляд, вполне может быть в той или иной степени *научной*. Это означает, что та или иная нормативно-этическая концепция в принципе может в своих заключениях опираться на достоверное знание, быть логически непротиворечивым и вообще может отвечать любому критерию научности, — за исключением одного, согласно которому научное знание должно быть свободным от оценок и императивов. Если бы нормативная этика соответствовала еще и этому требованию, она действительно стала бы наукой в точном смысле слова, но перестала бы быть именно *нормативной* этикой.

Что касается термина «теоретическая этика», то он пригоден для обозначения не только логического анализа языка морали, но и для всей совокупности знаний о морали как феномене (причем «знание о морали» следует четко отличать от так называемого «знания о добре, долге» и т.п., ибо в словосочетаниях этого последнего типа фактически имеется в виду не «знание» в прямом смысле слова, а определенная моральная позиция, поэтому такого рода «знание» принадлежит не теоретической, а нормативной этике). Теоретическую этику можно назвать также «моралеведением», если использовать термин,

предложенный в свое время В.Т.Ефимовым (правда, в существенно ином контексте)². Теоретическая этика, или моралеведение, соотносится с нормативной этикой примерно так же, как религиоведение — с теологией. Эта аналогия основана на том, что религиоведение — это наука, объектом которой является феномен религии (но не «Бог!»), тогда как теология образует рациональный слой самого же религиозного (по природе своей ценностного) сознания.

Таким образом, говоря о соотношении этики и морали, мы должны предварительно уточнить понятие этики, ибо одна часть того конгломерата, который принято называть этим словом, входит в состав самой морали, другая же составляющая есть знание (или наука) о феномене морали. То обстоятельство, что исторически сложившаяся этика включает в себя указанные две части, находит выражение в современных определениях этики, фиксирующих ее двойственный статус в качестве «практической философии» и «науки о морали»³. Такие определения, на мой взгляд, носит «аддитивный» характер, т.е. здесь суммируются несовместимые признаки, относящиеся по сути к разным дисциплинам, лишь внешним образом — в силу давней традиции — объединенным общим именем этики, но фактически поделившим ее наследство. «Практическая философия» и «наука о морали» — это не разные разделы, или стороны, или функции одной и той же «этики»; граница между ними определяется теми критериями, по которым производится демаркация двух форм сознания — соответственно ценностного и познавательного.

* * *

Имеются и другие теоретические ракурсы, в которых могут быть сопоставлены этика и мораль. Так в англо-американской одноименной энциклопедии по этике в специальной статье, посвященной рассматриваемому вопросу, различие между этикой и моралью усматривается в том, что первая включает в себя всеобщие, фундаментальные, неизменные принципы, выражающие важнейшие ценности и убеждения личности и общества, тогда как вторая содержит более специфические и изменчивые правила, через которые реализуются эти общие принципы⁴. Но если трактовка *морали* как выражения «высших ценностей» в социальных нормах и человеческих поступках действительно является одним из принятых способов дефинирования этого понятия⁵, то увязывание *этики* именно и только с этими высшими ценностями выглядит достаточно произвольным. Очевидно,

автор статьи «Ethics/morality distinction» имел в виду то обстоятельство, что классическая этика всегда отпирывалась от того или иного высшего принципа, на основе которого выстраивалось соответствующее жизнеучение; однако из этого факта вовсе не следует, будто этика *тождественна* самим этим исходным принципам, а мораль представляет собою лишь их конкретизацию.

Более глубокая трактовка соотношения этики и морали дана в другой англоязычной энциклопедии, где также помещена статья на эту тему⁶. В статье утверждается, что «этика является более широким понятием» по сравнению с моралью и «включает многое из того, чего нет в морали». В этом смысле «этика (особенно античная) образует альтернативу по отношению к морали: у нее отсутствуют характерные узкие признаки морали, хотя она все же затрагивает моральную проблематику, а именно — как мы должны жить и что должны делать»⁷.

Рациональный смысл приведенного утверждения состоит, на мой взгляд, в констатации того факта, что исторические пути этики и морали со временем разошлись: под «этикой» (если оставить в стороне ее упомянутые выше дополнительные функции описания и объяснения морального феномена) по-прежнему понимается практическая философия, жизнеучение, т.е. проповедь и защита определенных позитивных ценностей, обозначаемых словами «добро», «долг», «счастье», «любовь» и пр.; понятие же морали сузилось и специфицировалось, так что отнюдь не все «доброе» и «должное» имеет статус *морально* доброго и должного. Благодаря Канту было осознано отличие специфически морального «категорического» императива от императивов «гипотетических», неморальных, которыми полна традиционная этика от античности до нашего времени. Иными словами, **то или иное этическое учение по своей ценностной направленности может и не быть моральным**, в нем могут быть декларированы какие-либо неморальные ценности, в том числе и те, которые противоречат общепринятым моральным нормам. Другое дело, что такая возможность никогда не реализовалась в чистом виде, и даже гедонико-эвдемонистические жизненные программы и ницшеанские инвективы в адрес общечеловеческой морали сопровождалась явно выраженными или — чаще — неявными обоснованиями и оправданиями с позиций все тех же универсальных моральных ценностей.

Безусловно, уже античные мыслители, как явствует из дошедших до нас текстов, замечали особое положение тех ценностей, которые мы сейчас называем «моральными», среди прочих ценностных установок, однако этот особый статус не был концептуально и терминологически оформлен, границы между собственно моральными (в бо-

лее позднем понимании этого слова) и иными ценностями были размытыми и легко нарушаемыми. Поэтому ценностный спектр этических учений всегда был (и остается поныне) гораздо более богатым и разнообразным, нежели действительные расхождения философов в их моральных позициях (особенно если иметь в виду расхождения не в конкретных моральных оценках и нормах, а в трактовке общих принципов морали).

Сохранившаяся в современном языке философии и науки чрезвычайная содержательная близость понятий «этика» и «мораль», проявляющаяся, в частности, в том, что «этика» почти всегда определяется через «мораль», приводит, с одной стороны, к неоправданному сужению предмета этики, а с другой — к столь же неоправданной расширительной трактовке морали, к размыванию ее специфики.

Примечания

- ¹ См.: *Hare R.M. Ethics // A New Dictionary of Christian Ethics /Ed. by J.Macquarrie and J.Childress. L., 1986. P. 206.*
- ² См.: *Ефимов В.Т. Этика и моралеведение // Вопросы философии. 1982. № 2.*
- ³ См.: *Гусейнов А.А. Этика // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001.*
- ⁴ См.: *Ethics /morality distinction // International Encyclopedia of Ethics /Ed. John K. Roth. L.—Chicago, 1995. P. 283.*
- ⁵ См.: *Апресян Р.Г. Мораль // Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001.*
- ⁶ См.: *Annas J. Ethics and Morality // Encyclopedia of Ethics /Ed. by L.C.Becker and Ch.B.Becker. Vol. I. N.Y.—L., 2001.*
- ⁷ *Ibid. P. 485—487.*